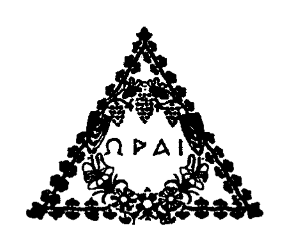
ВАЛЕРІАНЪ БОРОДАЕВСКІЙ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ЭЛЕГІИ, ОДЫ, ИДИЛЛІИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«О Р Ы»
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1909.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первины поэта рѣдко позволяютъ цѣнителямъ поэзіи вынести убѣжденный и убѣдительный приговоръ о новомъ дарованіи. Не завершительныхъ достиженій справедливо ищемъ мы въ этихъ начальныхъ опытахъ, но намѣчающихся возможностей будущаго развитія. Поэтому естественно спросить себя, при оцѣнкѣ первой книги стиховъ, прежде всего о томъ, принадлежитъ ли она вообще искусству или вовсе чужда ему; если же поэзіи причастна, — то какова степень зрѣлости художника. И правыми кажутся намъ критики, склонные разрѣшать исходный вопросъ о принадлежности искусству въ утвердительномъ смыслѣ на основаніи одного, быть можетъ, но истиннаго стихотворенія и пусть немногихъ, но строго-художественныхъ строкъ, достаточныхъ, по ихъ мнѣнію, чтобы оправдать и несовершенное въ цѣломъ твореніе начинающаго стихотворца. Рѣшающимъ же, во всякомъ сужденіи о новомъ дарованіи, является, несомнѣнно, живое впечатлѣніе его выявляющейся самобытности.

Книга, на которую «Оры» привлекаютъ вниманіе любителей поэзіи, въ такой мѣрѣ — по убѣжденію пишущаго эти строки — превышаетъ уровень выше намѣченныхъ требова-

ній, что о ней можно говорить уже какъ о произведеніи возмужалаго и во многомъ характерно, если еще и не окончательно, опредѣлившагося таланта. Нельзя не разслышать въ стихахъ г. Валеріана Бородаевскаго того, что Стефанъ Георге означаетъ выраженіемъ: «собственный», т. е. единственно данному поэту свойственный, собственно ему присущій, «тонъ» *). И впечатлѣніе этой своеобычности лирическаго **тона** тѣмъ ярче, что В. Бородаевскій вообще чуждается какой бы то ни было **манеры**, т. е. преднамѣреннаго примѣненія типически-выработанныхъ внѣшнихъ пріемовъ изобразительности. Форма его стиховъ чаще всего привлекательна соединеніемъ обдуманности и рѣшительности, своею емкостью, вѣскостью и своеобразною остротой эстетическаго дѣйствія, подчасъ же и счастливою новизной словеснаго и звукового изобрѣтенія; но поэтъ съ равною свободой и мѣрой пользуется преданіемъ и новшествомъ, не боясь быть заподозрѣннымъ ни въ зависимости отъ старыхъ образцовъ, ни въ подражательности современникамъ, ни въ литературномъ сектантствѣ, ни въ эклектизмѣ.

Это сочетаніе безпечной неразборчивости въ нарядѣ и позѣ съ ясно выраженнымъ стремленіемъ къ формальной законченности и даже утонченности въ словесной передачѣ овладѣвшаго душой (всегда до глубины ея) музыкальнаго волненія — проистекаетъ изъ всепоглощающаго сосредоточенія

---

*) *«Unsere Wahl hat nur die Verfasser getroffen, deren Ton ihnen so eignet, dass er keines anderen sein könnte, nicht solchen, denen einmal ein gutes Lied oder eine gute Reihe gelang.—Deutsche Dichtung, S. 4.*

творческой энергіи на лирическомъ содержаніи, которое, будучи, въ предѣлахъ разбираемаго собранія стихотвореній, не только разнообразнымъ (для значительной части ихъ именно отличительна новизна з а м ы с л а), но и какъ-бы внутренне антиномическимъ, естественно пріемлетъ разновидныя формы.

Какой-то глубокій, почти — сказали бы мы — манихейскій дуализмъ въ воспріятіи жизни и, безъ сомнѣнія, въ міросозерцаніи автора есть первый двигатель его вдохновенія. Подобно пѣвцу «Цвѣтовъ Зла», поэтъ не принадлежитъ къ монистически успокоенному множеству образованныхъ людей современности, съ легкимъ сердцемъ повѣрившихъ въ формулу: «по ту сторону добра и зла», — такъ, какъ будто они въ самомъ дѣлѣ поняли, что говорилъ Заратустра. Противорѣчія жертвенности и преступленія, любви и жестокости, неба и ада, крылатаго духа и змѣиной плоти не безстрастно-философское выраженіе нашли въ стихахъ В. Бородаевскаго, но вызвали къ жизни его красочный импрессіонизмъ и его трагическія видѣнія, его подлинныя молитвы и его глухой, подавленный, порой злорадный ропотъ, и эти раскаянія, въ которыхъ слышится неукрощенная гордость, и эти мимовольныя и мимолетныя умиленія, и эти улыбчивыя идилліи на черномъ фонѣ.

Не современная, а какая-то архаическая закваска душевной раздѣленности и равнаго влеченія воли къ идеалу аскетическому и къ искушеніямъ «искусителя» заставляетъ поэта переживать каждую полярность сознанія въ ея метафизически послѣдней и чувственно крайней обостренности. Онъ не знаетъ, что краше — бѣлое или черное, — оно же побѣдительно, неотразимо красное; что плѣнительнѣе, что соблазнительнѣе — все

страстное и огненное и жестокое или все похоронно-лазурное и благостно-отрѣшенное; что усладительнѣе — быть распинаему или распинать... Но онъ не изъ легіона тѣхъ модныхъ богоборцевъ и «безднниковъ», которымъ подобная психологія была бы вожделѣнна, какъ матеріалъ или только предлогъ для словесныхъ дерзаній и кощунственныхъ декламацій и провокацій: критикъ подслушиваетъ тайное поэта, онъ читаетъ между строкъ, строки же говорятъ совсѣмъ иное.

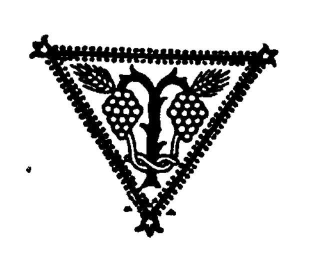
Поэтъ настойчиво утверждаетъ бѣлый идеалъ и съ чисто-монашескою мнительностью готовъ заподозрѣть, какъ мать соблазновъ, самое красоту, самое поэзію. Въ этомъ византійцѣ духа, мнится, еще живетъ и ищетъ вновь сказаться позднимъ отступникамъ страшнаго преданія весь золотой и багряный хмель ослѣпителей-деспотовъ и весь міроненавистническій фанатизмъ ересіарховъ-иконоборцевъ. Душа, влюбленная въ цвѣта, какъ будто долго томилась она, слѣпая, въ подземныхъ рудникахъ, грустящая полутѣнями блѣдныхъ красочныхъ гаммъ и жизненно ликующая упоеніемъ огня и багреца, такъ опьянительно влекущаго по милому черному «свой алый, алый путь», — хотѣла бы опять ослѣпнуть на жестокое, царственное солнце и погрузиться въ одно серебряное и лазурное, — хотѣла бы, и не можетъ. И съ ужасомъ вскрываетъ въ себѣ новое противорѣчіе — противорѣчіе пламени и льда, — и не знаетъ сама, изъ пламени ли она, или изо льда. Мертвеннымъ холодомъ души обличается обращеніе къ «благостной Книгѣ»; но и «червонная печать Антихриста», и червленецъ «Византіи», — не багряныя ли только маски того же холода — эти метаморфозы черноты? — ибо черенъ холодъ, и вѣчная ночь покрываетъ

сатанинскіе льды, откуда безсильно лижущими мракъ языками прорывается невещественное пламя.

Такова на нашъ взглядъ природа этой лирики, столь отзывчивой на все, насъ окружающее и мучащее, и вмѣстѣ столь глубоко несовременной. Въ этой «несовременности» мы усматриваемъ важнѣйшій признакъ самобытности поэта. Будучи чуждымъ по духу большинству просвѣщенныхъ людей нашего вѣка и общества онъ тѣмъ ближе къ сознанію народному. Вся книга написана, въ сущности, о религіи, хотя религіозная тема затронута въ ней, повидимому, лишь бѣгло и случайно. Но отношеніе къ религіи у В. Бородаевскаго иное, чѣмъ у столь многочисленныхъ нынѣ искателей религіознаго смысла жизни. Поэтъ не мыслью ищетъ и узнаетъ въ мірѣ Бога и Діавола, но всею жизнью ихъ испытываетъ: слишкомъ вѣдома ему ихъ борьба, поле которой, по Достоевскому, — человѣческое сердце. И смерть для него — только «погребальный маскарадъ»... Но многіе ли поймутъ изъ этой книги «страстныхъ свѣчъ», въ которой отпечатлѣлась борьба, но еще не означился ясно исходъ, — почему лишь послѣ этихъ обрѣтеній уже не смутно прозрѣвающей вѣры, а отчетливаго духовнаго зрѣнія впервые, повидимому, представился поэту, во всей своей неотразимости и глубинѣ, вопросъ о п у т и?

Май 1909.

Вячеславъ Ивановъ.

I.

Вкругъ колокольни обомшѣлой,
Гдѣ воздухъ такъ безгрѣшно тихъ,
Летаютъ траурныя стрѣлы
Стрижей пронзительныхъ и злыхъ.

Надъ кровью томнаго заката
Склоненныхъ ивъ печаль свѣтла.
И новыхъ стрѣлъ душѣ не надо:
Душа всѣ стрѣлы приняла.

Стрижи ватагою побѣдной
Дочертятъ вѣщую спираль;
И, догорая, западъ блѣдный
Отброситъ пурпурную шаль.

И будутъ ихъ бездумны рѣчи,
Какъ черствый ропотъ старика,
Когда одна стучитъ далече
Его дорожная клюка.

—

II.

РАННЯЯ ОБѢДНЯ.

Сумракъ предразсвѣтный... Буря снѣговая...
Злоба вихрей блѣдныхъ треплетъ раннiй звонъ...
Колоколъ безумный бредитъ, обмирая,
И относитъ дальше взвѣянныхъ воронъ.

Тамъ, въ придѣлѣ черномъ, засвѣтилась свѣчка.
Что-то тамъ скребется... Крыса или попъ?
Протянулось дыма сизое колечко,
Замерцалъ глазетомъ позабытый гробъ.

Яростная буря воетъ неустанно,
Бьется въ стекла церкви льдистое крыло...
И зачѣмъ такъ холодно? И зачѣмъ такъ рано?
И зачѣмъ дороги снѣгомъ замело?

Не склонится ухо къ тайнѣ позабытой.
Нагараетъ свѣчка. Выростаетъ гробъ.
Плачетъ воскъ одинъ на каменныя плиты,
Да въ дверяхъ, простершись, молится сугробъ.

—

III.

Панихиды въ синевѣ мерцаютъ,
Зажжены рукой холодѣющей.
Облетаютъ, отлетаютъ,
Тѣ, что нѣжились въ полдень млѣющій.

Широко открытыми глазами
Смотрятъ въ поле окна пустынныя.
Надъ полями, надъ прудами
Нити тонкія, паутинныя.

Паркой срѣзаны жизни скромныя,
И концы ихъ лаской свѣтятся...
На кресты садятся темные,
Надъ могилой хотѣлось бы встрѣтиться.

—

IV.

Слышу я тихіе стуки,
Стуки ночные въ стѣны...
Слабыя, милыя руки,
Земли васъ опутали плѣны.

Бьете, какъ сторожъ въ доску,
Черствое сердце мягчите.
Выманить надо ль вамъ слезку?
Тайную ль встрѣчу сулите?

Глохнутъ залетные звуки...
Вотъ и совсѣмъ замолчали...
Милыя, бѣлыя руки,
Видно, вы путы порвали!

—

V.

СВИДАНІЕ.

Въ тайнѣ разсвѣта, бѣла, недвижима,
Ризой, какъ облакомъ легкимъ, одѣта,
Мертвая, — ты мнѣ явилась, томима,
Въ тайнѣ разсвѣта.

Ты мнѣ сіяла лучемъ искупленья.
Сердце тревожилось и трепетало...
Но, побѣждая земное смятенье,
Ты мнѣ сіяла.

Свѣтлой мечтою промчалась ты мимо.
Сумракъ, сѣрѣя, нависъ надо мною...
Тихо; лишь сердце, какъ арфа, томимо
Свѣтлой мечтою.

—

VI.

Маскарадъ люблю погребальный!
Да живитъ, какъ легкое вино,
Этотъ блескъ цилиндровъ тріумфальный,
Строй коней подъ чернымъ домино, —

Фонари, повязанные крепомъ,
Длинный гробъ, гдѣ кто-то, притаясь,
Въ этомъ фарсѣ, миломъ и нелѣпомъ,
Мертвеца играетъ, не смѣясь!

Хороши подъ балдахиномъ дроги
И цвѣты изъ ласковыхъ теплицъ,
И зеленый ельникъ по дорогѣ,
И слеза на выгибѣ рѣсницъ...

И люблю, когда, со мной равняясь,
Подмигнетъ онъ радости моей.
Я молчу... Я тайно улыбаюсь
Чернымъ маскамъ ряженыхъ коней.

—

VII.

Разсвѣтало. Моросило.
Нахлобучивъ капюшонъ,
Ночь угрюмо опочила.
И, въ умершую влюбленъ,
Застоналъ послѣдній сонъ.

А по улицѣ печальной
Поблѣднѣвшіе спѣшили
Вереницей погребальной:
— Ночь, тебя мы обнажили,
Мνромъ сладостнымъ омыли.
Ты ушла съ заклятой тайной! —

Подъ зонтами, вереницей
Шли за черной колесницей.

—

VIII.

Печаль опустошенной, затихающей души,
Гдѣ свѣтъ, словно въ чащѣ, что расчистилъ топоръ.

Склоненныя колѣни у послѣдней межи,
Широкая улыбка, туманный взоръ.

Обнять, простить хотѣлось-бы, обласкать ножи убійцъ,
Презрительной любовью одарить враговъ: —

Такъ Цезарь, въ плащъ закутанный, поверженный ницъ,
Торжественно вступалъ въ обитель боговъ.

—

IX.

Нынче Горе мое нарядилось,
Надѣвало бальное платье;
Духами смѣясь окропилось,
У зеркалъ примѣряло запястья.

Нынче, Горе, твои именины.
Будетъ балъ, торжественъ и свѣтелъ.
Въ аломъ — дамы; въ черномъ — мужчины.
Я гостей улыбками встрѣтилъ.

Въ нѣжномъ танцѣ тебя закружу я,
Потону въ твоемъ огненномъ взорѣ.
Какъ хочу твоего поцѣлуя,
Какъ люблю тебя нынче, Горе!

—

X.

Хожу межь обугленныхъ балокъ
Пожарища веси моей.
Самъ себѣ страненъ и жалокъ,
Пепелъ сбираю,
На вѣтеръ гудящій бросаю,
И солнце сквозь пепелъ страшнѣй.

О, какъ пламенѣло, какъ жгло ты,
Блаженство багряныхъ орловъ!
Сладость твоей позолоты
Ввѣкъ не изжить!
Той изгари ѣдкой во вѣкъ не избыть
Всей дружбѣ холодныхъ вѣтровъ.

Но траурной ризы не сброшу.
Влеку этотъ длинный
Шлейфъ, какъ безцѣнную ношу.
Пепелъ сбираю,
Надъ пашней разрытой бросаю:
Взойди, воскрешенный, забвенный, старинный!

—

XI.

ПИРЪ.

Зеленыя, хитрыя волны, со мной не лукавьте,
Честныхъ объятій хочу я, старый пловецъ.
Мчите отъ берега прочь, пѣсней забавьте.
Вокругъ головы оплетите зеленый вѣнецъ.

Вспѣненныя гряды и зыби — морское похмелье!
Тѣло, что бури ковали, не нужно землѣ.
Акулы, акулы, любилъ я вашъ плескъ и веселье
Въ холодной, глубинной, зеленой, колдующей мглѣ.

Вы, бѣлыя чайки, отраденъ вашъ летъ замедленный,
Склонитесь, приникните ближе къ холоднымъ губамъ!
Акулы и чайки, на пиръ! Кудрявой короной
Увѣнчанный другъ потрясаетъ свой кубокъ червонный,
Гдѣ горькая кровь, что кипѣла по дальнимъ морямъ.

XII.

СТЕПНЫЕ ВИХРИ.

1.

Глянь: какъ лезвіе, остеръ
Край земли.
Мчится всадникъ, буйнъ и скоръ,
Тамъ вдали.
Мчится онъ по лезвію
Все кругомъ:
Обскакалъ-бы жизнь мою
На лихомъ!
Я спѣшу на-перерѣзъ...
Я — все здѣсь. Онъ — все тамъ!
Духъ чудесъ,
Заверть, вьется по степямъ...

2.

Тамъ, въ далекой дали,
ПерерѢзаны жилы мои.
Я не вижу, не знаю,
Только чую, —
Истекаю
Тамъ вдали, за тридевять земель...

На смертельную рану мою
Я скачу посмотрѢть.
ОшалѢлыя тройки гублю, —
И кого мнѢ жалѢть?
На смертельную рану мою —
Тамъ вдали — посмотрѢть!

— Этихъ вражьихъ равнинъ
Неоглядную рать
Отрази, паладинъ,
Научись побѢждать!

Мчатся кони на смерть,
ПѢна снѢгомъ валитъ.
Одинокая жердь,
Угрожая, стоитъ —
Тамъ вдали...

—

XIII.

КАРЕТА.

Ахъ, карета, что еле плетется,
Ослабѣвшими дверцами машетъ!
Улица грубо смѣется,
Вѣтеръ пронзительный пашетъ...

Голубая обивка слиняла,
И гербъ облупился древній.
Ты везла меня, дребезжала,
Подпѣвала душѣ моей гнѣвной.

Тамъ гуляла любезная сердцу,
Поджидала пріѣздъ желанный.
Распахну скрипучую дверцу,
И войдетъ съ улыбкой вѣнчанной.

Повернутъ, шатаяся, клячи,
Посвистатъ толпа, провожая —
Потому, что не могутъ иначе:
Мы простимъ, всѣхъ простимъ, дорогая.

Не поѣдемъ въ наслѣдственный теремъ,
Распряжемъ коней, спустимъ шторы —
И въ мечту свою пылко повѣримъ,
И сплетемъ своихъ сновъ узоры.

А на утро покинемъ карету;
Какъ бродяга, всталъ день, беззаботенъ...
Разнесемъ наше счастье по свѣту
Подъ шарманку у всѣхъ подворотенъ.

XIV.

НОКТУРНО.

Я тѣнь зову, я жду Леилы.
Пушкинъ.

Ко мнѣ въ жемчужницѣ, на черныхъ лебедяхъ,
Плывешь, любимая, и простираешь длани,
Съ глазами нѣжной и безумной лани
И розой въ смольныхъ волосахъ.

Тоскуя ждешь, да приметъ берегъ мой
Твою ладью и спутниковъ прилежныхъ.
Два черныхъ лебедя у камней прибережныхъ
Плывутъ торжественной четой.

И камни острые вонзаются имъ въ грудь!
И перья черныя развѣяны вѣтрами.
Расширенный мятежными зыбями
Влечется алый, алый путь...

Ко мнѣ въ жемчужницѣ, на черныхъ лебедяхъ,
Плывешь, любимая, и простираешь длани,
Съ глазами нѣжной и безумной лани
И розой въ смольныхъ волосахъ.

Какъ недвижимый стражъ, замершій на часахъ,
Я жду, когда, медлительно и строго,
Снесутъ тебя до бѣднаго порога,
Подъявъ на траурныхъ крылахъ.

И слезы на обвѣтренныхъ глазахъ
Туманятъ даль; и пѣнистыя гряды
Растутъ, гремятъ, вздымаются въ громады,
Изнемогая на камняхъ.

Тоскуя ждешь, да приметъ берегъ мой
Твою ладью и спутниковъ прилежныхъ.
Два черныхъ лебедя у камней прибережныхъ
Плывутъ торжественной четой.

Твои глаза подъемлются съ мольбой,
И видишь ты угрюмыя тѣснины...
И воютъ волны съ яростью звѣриной,
И брызжутъ пѣной снѣговой.

Воздвигнуты надъ грозною волной,
Презрѣвъ истому, лебеди стремятся, —
Но скалы хмурыя на встрѣчу имъ толпятся
Неколебимою стѣной.

И камни острые вонзаются имъ въ грудь!
И перья черныя развѣяны вѣтрами.
Расширенный мятежными зыбями,
Влечется алый, алый путь...

—

XV.

АДЪ.

Пѣвучимъ голоскомъ, колебля тощій посохъ,
Про муки адскія разсказывалъ монахъ...
Пѣлъ соловей о монастырскихъ розахъ;
Лучилась звѣздочка въ березовыхъ вѣтвяхъ,
Дремотно зыблющихъ сережки и листочки;
И, охмелѣвъ, неслись янтарные хрущи...
— «Такъ сбудется отъ строчки и до строчки:
Возьмутъ тебя въ каленые клещи»...
И, вскинувъ посохъ, сумрачный, грозится.
Замолкъ; потупился: «Вотъ такъ-то, милый братъ!»
И теребитъ плачевную косицу.
— «И подлинно... Ужъ если адъ, такъ адъ —
Пунцовый, съ бѣсами и сѣрными парами!..»
О, звѣзды нѣжныя! Влюбленный соловей!
И пусть она придетъ, съ губящими глазами,
И этотъ адъ сожжетъ меня скорѣй!

—

XVI.

Вижу тамъ, въ багрецѢ заходящихъ лучей,
Паучекъ раскачался на нити своей.
— Золотая березка, ты сдержишь меня?
— Ты закинешь повыше, — повыше меня?
Мимо мошекъ огнистыхъ летитъ, упоенъ,
Какъ онѢ — окрыленъ, какъ онѢ — озаренъ.
И на вѢтеръ пустилъ хитроумную сѢть.
Не бѢда вѢдь осеннимъ денькомъ поговѢть!
— Золотая березка, ты вскинешь меня?
— Золотая березка, ты любишь меня?

Въ багрецѢ заходящихъ холодныхъ лучей
Ты проходишь, шурша вдоль пустынныхъ аллей.
Вотъ замедлишь. И глянешь... И сумрачный взглядъ
Изольетъ въ мою душу томительный ядъ.
Вырвутъ слабый, восторженно жалобный крикъ
Эти красныя губы и каменный ликъ.
— Золотая березка, ты примешь меня?
— Золотая березка, ты любишь меня?

—

XVII.

Я пронжу, пронжу иглой
Сердце куклы восковой.
— Жарко сердце, загорись,
Разорвись! —

Много дней и много лѣтъ
Цѣловалъ я милый слѣдъ.
— Оглянись ко мнѣ, — шепталъ,
Умолялъ.

Въ тихой комнатѣ моей,
Непреклонный чародѣй,
Нынѣ я колю иглой
Сердце куклы восковой.

— Жарко сердце, загорись,
Разорвись! —
Неподкупная игла
Такъ свѣтла...

Вотъ, ты здѣсь, въ моихъ рукахъ,
Воскомъ таешь... Смертный страхъ
Здѣсь со мной, дрожитъ во мнѣ:
«Я въ огнѣ.

«Приголубь больную грудь,
«Осѣни на смертный путь...»
Сердце куклы восковой
Подъ иглой.

— Здѣсь я, здѣсь, твой вѣрный другъ,
Обвожу заклятый кругъ,
И въ дыханьи тайныхъ чаръ
Шлю тебѣ мой лучшій даръ:

— Сердце, сердце, разожгись,
Разорвись! —
Неподкупная игла —
Какъ стрѣла.

XVIII.

Онъ нашелъ тебя, овца заблудшая,—
Не пугайся солнечнаго взгляда.
Для Него теперь ты — лучшая,
Ты — царица бѣлаго стада.

Забудь объ оврагахъ глубокихъ,
Гдѣ нога твоя тайно скользила.
О ночахъ забудь темноокихъ
И о тѣхъ, кого ты любила.

Отдыхая на росистыхъ травахъ,
Говори съ цвѣтами голубыми;
Но молчи про злую правду правыхъ —
Ты, грѣховная, взнесенная надъ ними.

—

XIX.

Кругомъ — одна лазурь. Прозраченъ небосклонъ.
        Трепещетъ рѣчка въ искрахъ золотистыхъ.
Раскинулись ковры подснѣжниковъ звѣздистыхъ,
И слышенъ зябликовъ задорный перезвонъ.
Березки бѣлыя, какъ дружныя сестрицы,
        Лепечутъ что-то... Трудно ихъ понять!
Высоко надо мной едва-едва видать
Послѣднихъ журавлей отсталыя станицы...

Праматерь смуглая, благослови меня!
            Я — сердце, полное терзаній
            Неутолимаго огня.
        Я — блудный сынъ среди твоихъ созданій.
Я только блудный сынъ, — благослови меня!

—

XX.

Вячеславу Иванову.

Надъ пустынными полями видится
Въ облачкахъ серебристая лѣствица.
До меня-ли Любовь унизится?
Ты-ли, Крѣпкій, грядешь изъ-за мѣсяца?

Черезъ грудь мою руки скрещаются,
Я вступаю на путь неизвѣданный, —
И ступени такъ томно качаются
Подъ пятой, землистому преданной.

Отъ низинъ задымились туманы,
Голубые съ алыми отливами.
Чей-то смѣхъ прозвенѣлъ такъ странно.
Бѣлый образъ подъ черными ивами.

Устоишь-ли, воздушная лѣствица?
Отойдешь-ли, чудо недостойному?
Сѣрый звѣрь притаился у мѣсяца.
Въ очи смотритъ небесному Воину.

—

XXI.

СТРАСТНЫЯ СВѢЧИ.

Отвращайте свѣчами страстными
Тучу бѣлую, тяжелую градомъ.
Призывайте Господне имя:
Смилуйся, Пастырь, надъ стадомъ!

Синеалыхъ молній изломы
Плещутъ крыльями, какъ гнѣвныя птицы.
Прогремятъ многотрубные громы,
Долу велятъ склониться.

И презрительно туча минуетъ,
Взыскуя нивъ не заклятыхъ,
Гдѣ сожгли уже свѣчку страстную
Въ темныхъ, пугливыхъ хатахъ.

—

XXII.

НАПРАСНО.

Колючей молніей вѣнчанное Чело
Точило кровь съ высотъ... Печальный, тихій дождь
Багрилъ поля. Сквозь желоба несло
Рубинную струю. И мы взывали: «Вождь!
Божественная жертва! За тобой
Всѣ потечемъ... Неизреченный часъ!
Покинемъ очаги, и блѣдною толпой
Всѣ устремимся на призывный гласъ!»

Пролился тихій дождь. И огненный закатъ
На клочьяхъ сизыхъ тучъ гнѣвливо трепеталъ,
И сладкій свѣтъ надоблачныхъ лампадъ
Блеснулъ — и ночь сошла... И каждый засыпалъ!
А поутру докучный, бѣлый свѣтъ,
Какъ бичъ, сгонялъ къ заботамъ и трудамъ.
И дню угасшему мы говорили: «Нѣтъ!
Ты былъ-ли? Нѣтъ! Какъ вѣрить облакамъ?»

—

XXIII.

СОРАСПЯТЫЕ.

Горькая складка скривила уста.
Кровь пролилась на ланиты.
— «Если Ты — Богъ, сойди со креста!
Съ нами вмѣстѣ сойди Ты»...

Мертвенно тѣло на древѣ, — въ ночи
Руки такъ блѣдны, такъ хилы.
Слабо у Лика струятся лучи;
Тлѣя, мерцаютъ, унылы.

— «Вѣтру-ли славу Твою унести?
Ночь-ли украдетъ побѣду?
Вмѣстѣ по крестному шли мы пути, —
Ты не поможешь сосѣду?

«Или погибнемъ, пройдемъ безъ слѣда?
Будутъ злодѣйства — забыты?
Если Ты — Богъ, сойди со креста!
Съ нами вмѣстѣ сойди Ты!»

XXIV.

ЭОЛОВА АРФА.

Ты, да вѣтеръ, да арфа эолова
На столбѣ, въ голубой вышинѣ.
Тяжко дремлется... Мало веселаго!
Какъ въ горячечномъ пышетъ огнѣ

Изнемогшая степь. Трескотаніе
Замираетъ усталыхъ цикадъ.
И растетъ, искушая, стенаніе,
Оловянныя петли звенятъ...

Черезъ степь, черезъ степь дымносѣрую
Преклоняется нудный быльнякъ...
Нынче горестно въ Господа вѣрую:
Нынче Богъ — будто тотъ-же бѣднякъ.

На крыльцѣ прикорнулъ Онъ у хижины,
Заглядѣлся въ безплодную степь...
И, къ Предвѣчному странно приближены,
Всѣ влекутъ безконечную цѣпь:

Ты, да вѣтеръ, да арфа эолова...
Ахъ, уснуть-бы, уснуть... Не могу!
Затомила коробка изъ олова:
Топоромъ-бы хватилъ по столбу!

—

XXV.

ВЪ НѢДРАХЪ.

Плѣсень по сводамъ, осклизлыя стѣны.
И рудокопъ, ночью и днемъ,
Съ чахлымъ огнемъ,
Вянущимъ, тающимъ, — въ долгія смѣны
Медленнымъ мѣрно стучитъ молоткомъ...

Кони понурые вдоль галереи
Гулко катятъ груды камней.
Окрики: гей!
Плавно дрожатъ сѣдловатыя шеи,
Вислыя губы темничныхъ коней.

Словно надъ гробомъ, поютъ молотками...
Слышишь ударъ? То динамитъ
Скалы громитъ.
Цѣпи телѣжекъ бѣгутъ за конями.
Снова и снова гремитъ и гремитъ.

Мнится, разсядетъ утроба земная.
Духъ заняло... Въ глубяхъ земли —
Въ желтой пыли —
Скорбныя тѣни, огнями качая,
Движутся, движутся. Мимо. Прошли...

—

XXVI.

ВЪ МУЗЕѢ.

Зародыши людей! примите мой привѣтъ,
Безсмертные въ спирту, межъ куколъ восковыхъ,
Желудкомъ пьяницы (что тоже много лѣтъ
Черпалъ безсмертіе изъ чарокъ огневыхъ) —

И слѣпкомъ гнусныхъ язвъ, карающихъ порокъ!..
Зародыши людей! я знаю: ваша пыль
Мрачитъ лазурный день, и сточныхъ трубъ потокъ
Подземной Летой мчитъ неявленную быль...

Міры планетные, безумною пятой
Низринутые въ мракъ и хаосъ силъ слѣпыхъ!
Здѣсь, рядомъ съ женщиной, сообщницей больной,
Я васъ привѣтствую межъ куколъ восковыхъ.

—

XXVII.

КОЛЕСА.

И колеса кругомъ были полны очей.

Iезекiилъ, X, 12.

Сонъ молнiйный духовидца
Жаждетъ выявиться мiру.
О, безмысленныя лица!
О, разумныя колеса!

Ткутъ червонную порфиру.
Сѣро-блѣдны, смотрятъ косо.
И подъ гулъ я строю лиру...
За ударомъ мчатся нити.

И на лицахъ нѣтъ вопроса,
И не скажутъ объ обидѣ.
И зубчатыя колеса
Поцѣлуевъ вязкихъ ищутъ.

На желѣзный бѣгъ смотрите!
Челноки, какъ бѣсы рыщутъ.
Напѣвая дикой прыти,
Свириститъ стальная птица.

Рычаги, качаясь, свищутъ.
Рѣютъ крылья духовидца.

—

XXVIII.

ДА И НѢТЪ.

В. В. Розанову.

I.

Художникъ, женщина и солнце! Вамъ дано
Родить... Вы матери, о Трое!
Художникъ, кисть твоя! Вотъ солнце золотое,
Освободясь отъ тучъ, ударило въ окно.
Покровъ упалъ. Сіяньемъ залита,
Нагая плоть безгрѣшна, какъ мечта.

II.

Вглядись во мракъ, печальный богомазъ.
Кто здѣсь съ тобой средь кельи омертвѣлой?
Бросай-же камнемъ въ этотъ призракъ бѣлый!
Но ты въ смятеньи...—не отводишь глазъ—
И руки тянешь къ ней—и только лишь
«Будь проклята» молитвенно гласишь.

—

XXIX.

Зову тебя въ воды хрустальныя,
Къ безгрѣшнымъ объятьямъ маню.
Засмотрятся ивы печальныя
На бѣлую тайну твою.

Ты въ брызгахъ идешь, окропленная,
И ты высока подъ луной,
Навстрѣчу любви устремленная,
Подхвачена синей волной.

Плывемъ мы, какъ духи безплотные.
И ты далека — въ глубинѣ.
Гляди — огонечки болотные
Киваютъ намъ, будто во снѣ.

И ластились руки воздушныя...
И былъ неподкупенъ хрусталь...
А страсти, какъ дѣти послушныя,
Глубоко таили печаль.

—

XXX.

Явленъ знакъ. На персяхъ напишу я:
— Ты моя. Не быть тебѣ съ другимъ.—
И запястьемъ окружу десную,
Пламенѣющимъ, тройнымъ.

Кандалы любви, свяжите ноги,
Чтобъ измѣнѣ жало разрубить.
И ключами зазвоню я, строгій,—
У темницы любо мнѣ бродить.

Ты жива-ли, умерла-ль, не знаю.
Стонъ-ли то, иль капля съ потолка?
Цѣпь ключей къ губамъ я прижимаю,
Грудь сжигаетъ сладкая тоска...

Нѣтъ! О, нѣтъ! Къ себѣ тебя ревную!
Пусть ключи летятъ въ туманъ морской...
Какъ на грудь, паду на дверь стальную...
Слышишь плача смертнаго прибой?

Это я. Мой черепъ о засовы
Бьется, блѣдный, а въ рукахъ дрожитъ
Связка розъ, и мой костякъ суровый
Страсть твою, какъ прежде, сторожитъ.

Черезъ скважину проникнутъ взоры
Двухъ орбитъ, гдѣ ночи глубина...
Но въ мой духъ, что передвинетъ горы,
Вѣрю — ты на вѣчность влюблена.

—

XXXI.

ИСКУСИТЕЛЮ.

Печать Антихриста — червонная звѣзда —
Горитъ на лбу твоемъ, возвышенномъ и ясномъ.
И лучъ пѣвучъ, и поднята мечта
Глаголомъ пышно-сладострастнымъ.

— «Ко мнѣ, ко мнѣ — въ запечатлѣнный кругъ.
Нашъ легокъ плясъ, а губы — язвы нѣги.
Мой мигъ великъ, и нѣтъ разлукъ и мукъ
Тому, кто смѣлъ въ послѣднемъ бѣгѣ». —

Соблазны древніе! О, памяти моей
Полуистертыя, разбитыя скрижали...
И зовъ вѣковъ, и вѣщій змѣй страстей, —
Завитыя, скользящія спирали.

Печать Антихриста! Іуда! Страшный судъ!
Все та-же ты, — икона Византіи.
Но ярче твой огонь. — Сердца куютъ и жгутъ...
О, мудрецы!.. Рабы глухонѣмые!

—

XXXII.

МАГИ.

I.

Мы — цари. Жезломъ державнымъ
Крѣпко выи пригибаемъ
Своенравнымъ.

Нашей волѣ двигать звенья
Цѣпи міра вправо, влѣво —
Наслажденье.

Корабли несутъ намъ дани:
Амбру, золото и пурпуръ.
Взмахъ лишь длани —

Мѣрно въ бубны ударяя,
Хоръ плясуній легкихъ вьется...
Дѣвой рая

Будетъ та, что перстъ укажетъ:
Улыбнется
И къ ногамъ владыки ляжетъ.

II.

Мы — цари. Въ вѣнцахъ, съ жезлами
Мы идемъ въ пустыню грезить
Подъ звѣздами.

И столицу забываемъ,
Забываемъ блескъ престольный
И внимаемъ

Рѣчи праведныхъ созвѣздій,
Головой склонясь на камень:
Нѣтъ въ нихъ лести!..

Тамъ короной драгоцѣнной
Изъ ключей черпаемъ воду —
Даръ безцѣнный.

И, торжественные маги,
Пьемъ свободу,
Какъ забвенные бродяги.

—

XXXIII.

БАРКАЛЬКФЪ.

Пока на льва Сарданапалъ
Съ копьемъ въ рукахъ и рдянымъ окомъ,
Напрягши мышцы, наступалъ,
И звѣрь кидался и стоналъ
И падалъ, пораженный рокомъ, —

Въ опочивальнѣ смутныхъ грезъ
Царица тихо распускала,
Какъ знамя грусти, трауръ косъ,
И чаши увлажненныхъ розъ
Къ грудямъ пылающимъ склоняла...

Далекій рёвъ! Предсмертный рёвъ!
И плескъ, и буйственные клики...
Но неподвиженъ и суровъ,
Подъятъ надъ спинами рабовъ
Чернобородый ликъ владыки.

Внесли... Поникни головой,
Склонись, поздравь царя съ побѣдой,
Да приметъ кубокъ золотой, —
И пурпуръ губъ его отвѣдай,
Закрывшись блѣдною фатой.

XXXIV.

ХЕРУВИМЫ.

I.

Херувимы Ассиріи, быки крылатые,
Бородатые,
Возникаютъ изъ пыли вѣковъ.
Желѣзо лопаты, какъ рѣзецъ ваятеля,
Чародателя,
Возрождаетъ забвенныхъ боговъ.
Херувимы крылатые — камень пытанія
Высшаго знанія, —
Изъ пыли вѣковъ
Двинулись ратью на новыхъ боговъ.

II.

Вашу правду несете вы, пращуры древніе,
Херувимы Ассиріи,
Отвѣтъ человѣка на пламенный зовъ Божества.
Былъ часъ — и на камнѣ
Почила Рука и руку искала:
Вы — встрѣча двухъ дланей,
Вы — ихъ пожатье.
Привѣтъ вамъ, быки круторогіе,
Съ лицомъ человѣчески-хмурымъ грядите!

—

XXXV.

СФИНКСЪ.

Каменнымъ когтемъ на грудь наступилъ.
Шествовалъ мимо и грузной стопой
Тронувъ, свалилъ.
Орошались уста ярко-рдяной струей:
Сфинксъ проходилъ.

Шествовалъ мимо божественный звѣрь,
Бѣлыя очи въ безбрежность ушли.
Лапой смахнулъ, — и въ кровавой пыли
Палъ я теперь.

Бѣлыя очи въ глубинахъ скользятъ,
Поднятъ къ далекимъ и чуждымъ мірамъ
Льдистый ихъ взглядъ.
Лапы по теплымъ ступаютъ грудямъ,
Кости хрустятъ.

Лапы по рдянымъ ступаютъ цвѣтамъ.
Тронули, — вотъ подъ пятой я расцвѣлъ...
Сфинксъ, устремляясь къ безбрежнымъ вѣкамъ,
Мимо прошелъ.

XXXVI.

Я холоденъ.

О, если бы ты былъ холоденъ
или горячъ!

Апокалипсисъ, гл. 3, 15.

Отверзи мнѣ двери, тѣ, что я не открылъ —
Оттого, что заржавѣли петли, — не было силъ.

Заржавѣли петли отъ холодныхъ дождей...
Отъ людей, что Ты далъ мнѣ, — отъ слезъ людей!

Людей, что Ты далъ мнѣ, — я ихъ не любилъ.
Изъ сладостной Книги былъ ближній мнѣ милъ.

Изъ сладостной Книги я много читалъ.
Мнѣ за это отверзи. Я усталъ...

Душа моя — льдина, до костей я застылъ.
Открой хоть за то мнѣ, что я не открылъ!

—

XXXVII.

СЪ ДОРОГИ.

Бѣлый храмъ родной моей деревни,
Я любилъ тебя — издалека.
Забѣлѣешь — бубенцы напѣвнѣй,
И прошла дорожная тоска.

Раннимъ мартомъ, межъ тумановъ сизыхъ,
Мнѣ подснѣжникъ грезился въ тебѣ,
Что раскрылся, какъ весенній вызовъ,
Беззаботно брошенный судьбѣ.

А дорога прилипала къ спицамъ,
Чтобы мигъ желанный оттянуть,
Чтобы счастья дробныя крупицы
Вихремъ встрѣчъ бездумно не смахнуть.

Поворотъ. Рѣзвѣе скачутъ кони.
Рига. Садъ. И домъ за нимъ родной.
А ужъ храмъ забытъ на тихомъ склонѣ,
Какъ цвѣтокъ, оборванный рукой.

—

XXXVIII.

ТОСКА.

Вотъ онъ, старинный залъ, гдѣ фикусы все тѣ-же,
Такъ неизмѣнны подъ кривымъ ножемъ, —
(Десятки лѣтъ онъ имъ вершины рѣжетъ).
Вотъ онъ, старинный залъ, гдѣ бѣгалъ я мальцомъ
Съ квадрата на квадратъ паркетный въ перепрыжку...
Вощеный полъ скользилъ подъ рѣзвою ногой,
И, стульевъ чопорныхъ наруша строгій строй,
Здѣсь съ братьями игралъ я въ кошку-мышку,
Но чаще съ блѣдной маленькой Тоской.

Она была — какъ кукла восковая,
Невелика. И въ локонахъ. Съ лицомъ
Неизъяснимо сладкимъ. Золотая

Коронка высилась надъ выпуклымъ челомъ, —
Челомъ упрямицы... И, правда, ты упряма
Была, и нудила: «Играй со мной. Съ одной.
О нихъ не думай... Будь для нихъ — нѣмой.
Засохнутъ фикусы. Остынетъ папа, мама.
Измѣнятъ братья. — Но всегда ты мой». —

И крѣпко, крѣпко шею обнимали
Мнѣ ручки тонкія. И больно было мнѣ,
И радостно. И въ горлѣ замирали
Рыданья бурныя... И мчались мы по залѣ!..
И поздно, ввечеру, при сладостной лунѣ,
Я крался съ ней по дремлющимъ покоямъ.
Звенѣлъ хрусталь въ шандалахъ голубыхъ.
Отъ жардиньерокъ розой и левкоемъ
Тянуло слабо... И въ ушахъ моихъ
Былъ шопотъ тихій. Въ тайную бесѣду
Вступали мы. Хотѣлось воскресить
Забытый міръ... крылатую планету,
Гдѣ можно, не стыдясь, обнять, любить...
И тѣни фикусовъ тянулись по паркету.

Вотъ онъ, все тотъ же, мой старинный залъ,
Гдѣ фикусы по кадкамъ, точно муміи
Изсохшій рядъ... Гдѣ я съ тобой игралъ!
Ты подросла, Тоска... Темнѣе и угрюмѣй
Твои глаза. Но также и теперь

Желанна ты, и мнѣ не измѣнила.
Я на балконъ открылъ широко дверь...
Луна высокая и бѣлая царила
Надъ елями... Какъ прежде, такъ теперь!
И тѣ-же ветхія, безтрепетныя ели
Съ крестообразными вершинками у звѣздъ...
Какъ будто мимо годы пролетѣли,
Какъ будто мало градъ и снѣгъ и бремя гнѣздъ
Надъ мшистыми вѣтвями тяготѣли...

XXXIX.

МЯЧЪ.

Давно-давно, въ безпечной суматохѣ
Ребячьихъ игръ, кружася межъ дѣтей,
Лиловымъ вечеромъ плѣненныхъ тополей
Ловилъ я тайные, прерывистые вздохи.

Ихъ тѣнь, какъ исполинъ, бѣжала на меня
И падала къ ногамъ, какъ исполинъ сраженный!
И вдругъ глаза мои слезою затаенной
Туманились. Дыханіе огня
Чела касалось. Я игры шумливой
Законы строгіе внезапно забывалъ,
И мимо рукъ моихъ далече улеталъ
Свистящій мячъ... Я слышу переливы
Дразнящихъ голосовъ, и смѣха яркій звукъ
Безславное мое вѣнчаетъ пораженье!..
И жалко было тѣхъ, но смутное томленье,
Какъ первый вѣстникъ отдаленныхъ мукъ,
Хватало сердце тонкими когтями...

О, глупый, старый мячъ! Игра сплетенныхъ воль!
Не береди ребяческую боль:
Ты пролетишь надъ праздными руками!

—

XL.

ВОЗЛѢ ЕЛКИ.

Въ шумной залѣ, гдѣ играли
Возлѣ елки освѣтленной, —
Какъ дріада, въ чащѣ сада,
Межъ вѣтвей смѣялась Нелли.

Мы глядѣли, какъ блестѣли
Золоченые орѣхи,
И глазами, что огнями,
Обожгли другъ другу сердце.

Вся краснѣя и робѣя,
«Навсегда!» — она сказала.
Это слово было ново... —
«Навсегда!» — я ей отвѣтилъ.

И, съ улыбкой, вдругъ, ошибкой,
Мы устами повстрѣчались...
А вкругъ елки были толки,
Что... играть мы не умѣемъ.

—

XLI.

М. Б.

Мы носились на гигантахъ.
Мы кружили до усталости.
Въ вашихъ косахъ, въ вашихъ бантахъ
Были зовы сладкой алости.

Эти косы, эти змѣи, —
Двѣ змѣи въ игрѣ стремительной, —
Разбѣгались все смѣлѣе,
Заплетались упоительнѣй.

Съ обнаженными ногами,
Нѣжнымъ хохотомъ дразнящіе,
Два амура между нами,
На одномъ крестѣ висящіе,

Въ синемъ бархатѣ витали,
Златокудрые, воздушные...
Отдаляли и сближали
И свергались, простодушные.

И гвоздикъ кровавыхъ гряды
Замутились, благовонныя.
И не знали мы, что взгляды
Наши встрѣтились — влюбленные.

XLII.

НА ПАСХѢ.

«Христосъ воскресъ!» — Потупилась она.
Зардѣла вся, какъ утренняя зорька...
Но неотступенъ онъ, и — сладко или горько, —
«Воистину» пролепетать должна.
Уста сомкнулись въ грезѣ поцѣлуя.
И думаютъ...

Она по-своему: «зачѣмъ
Когда я жажду словъ, онъ, какъ заклятый, нѣмъ?
Онъ имени Любви не произноситъ всуе...
Онъ ждетъ... Чего? Я понимать должна:
Страшитъ грядущее... Но какъ-бы я любила!
Я сердца первоцвѣтъ, какъ тайну, сохранила...»

А онъ по-своему: «мила, но холодна».

XLIII.

БОЖЬЯ КОРОВКА.

«Лети туда, гдѣ суженый живетъ!»
Шепнула ты, — и божія коровка
По бѣлымъ пальчикамъ забѣгала неловко.
Мигнула, поднялась... Слѣжу ея полетъ.

Надъ синевой рѣки чуть видная краснѣетъ.
Слабѣютъ крылышки... Она не долетитъ!
Твой взоръ, насмѣшливый и ласковый, горитъ,
И вѣтерокъ кудрями тихо вѣетъ...

За ней, за ней летятъ твои мечты,
Ты счастья ждешь. — А божія коровка
Ужъ тонетъ... Грустно мнѣ. Но радостно плутовка
Смѣется, свѣтлая: «какъ легковѣренъ ты!»

—

XLIV.

ВСТРѢЧА.

Въ стекла кареты твоей заглянули
Солнцеподобные желтые лики
И, лепестками качая, кивнули, —
И на шелку перекинулись блики.

Ты пробудилась, ты вздрогнула. Мигомъ
Окна спустила, и поле вдыхала...
И, отвѣчая подсолнечнымъ ликамъ,
Бѣлымъ платочкомъ привѣтно махала.

Встрѣтилась въ тряской телѣгѣ молодка.
Барышню мимо, дивясь, пропустила.
Станъ надъ подсолнухомъ выгнулся четко.
Желтую голову ловко сломила.

XLV.

Наши тѣни на снѣгахъ
Закачались, закивали.
Мѣсяцъ — въ блѣдныхъ кружевахъ
Ликъ утонченной печали.

По межамъ бурьянъ горитъ
Переливными огнями;
Вдалекѣ какъ-бы виситъ
Лѣсъ застывшими клубами.

Мы восходимъ на бугоръ,
Гдѣ сугробъ завился башней.
Продолжаемъ разговоръ —
Неоконченный вчерашній.

Мѣсяцъ въ тонкихъ кружевахъ
Мудрый черепъ преклоняетъ,
И признанье на губахъ
Такъ красиво замерзаетъ.

И когда мы разошлись
Каждый съ чуждыми мечтами,
Наши тѣни обнялись
И кружились надъ снѣгами...

—

XLVI.

СТАРЫЯ ДѢВУШКИ.

I.

Повѣсть нѣмая о тягостной страдѣ
Жалко загубленныхъ дней —
Осеребренныя бѣлыя пряди
Въ пышной прическѣ твоей.

Выпала чаша изъ рукъ золотая
И, убѣгая, звенитъ...
Въ дрожи пугливой руки прочитаю:
«Кто позабылъ — позабытъ».

Тайны коснусь я, тревожный и чуткій;
Что не прочту — допоютъ
Голуби плѣнные съ пестрою грудкой, —
Дѣвичьей спальни уютъ.

Жгучей пустыней Египта святого
Вспоена горькая трель.
Нѣжно воркуютъ, — и тайна былого —
Какъ золотая свирѣль.

II.

Ты любила стихи, и была горбатая.
Были рѣзкія тѣни на желтомъ лицѣ.
И часто мечтала ты, съ тайной усладою,
О балѣ блестящемъ и жемчужномъ вѣнцѣ.

Ты днемъ закрывала ставень скрипучій,
Жалобно читала, запрокинувъ чело;
Вдругъ голосъ твой крѣпнулъ и лился такъ жгуче,
И рука поднималась, дрожа какъ крыло.

А мы шли къ окошку подсмотрѣть, поглумиться,
Ловили сквозь щели обезумѣвшій глазъ...
Но все же ты плѣнной казалась царицей,
И нашъ смѣхъ срывался, фальшивилъ и гасъ.

И, бывало, мы видѣли въ ночи грозóвыя —
Появлялась ты бѣлая на ветхомъ крыльцѣ;
И, казалось: ты вышла подъ зарницы лиловыя
Съ блестящаго бала въ жемчужномъ вѣнцѣ.

XLVII.

Номеръ тринадцатый — наша каюта:
Намъ хорошо, но и жутко...
Мы такъ смѣемся, такъ веселы, будто
Вовсе лишились разсудка.

Мы обручальныя кольца снимали,
Надписи въ кольцахъ читали;
Въ блѣдномъ, тревожномъ раздумьи смолкали,
Мысли, какъ чайки, летали...

Вышли на палубу. Вѣтеръ порывомъ
Рвалъ наши рѣчи на клочья.
Бѣлый платокъ въ изступленьи красивомъ...
Плакали синія очи.

Ждали отрады... великаго чуда!
Волны все выше вставали.
— Номеръ тринадцатый ваша каюта, —
Пѣнясь, намъ злыя бросали.

—

XLVIII.

Мышь ворвалась къ намъ летучая,
Къ бѣлому платью заманена...
Вотъ и дождался я случая:
Жутью ты въ сердце ужалена!

Звякнетъ у люстры... По зеркалу
Вдругъ соскользнетъ — и замечется!
Въ сумракѣ сладостно меркнуло
Бѣлое платье прелестницы.

Низко надъ грудью взволнованной
Цѣпкія крылья проносятся...
Сердце забьется по новому, —
Къ новому сердце запросится!

XLIV.

У СЕБЯ.

Я не знаю лучшаго:
Сумракъ голубой,
Лунный трепетъ Тютчева
Льется подъ рукой;

Золотыми косами
Заплело окно:
И шумитъ березами
Вѣтеръ про одно, —

Про одно, забытое,
Что нельзя забыть,
Про одно, изжитое,
Что нельзя изжить...

И ласкаю пальцами
Лунные листы.
И въ тѣни за пяльцами
Улыбнешься ты.

—

L.

ГОЛУБЯТНИКЪ.

Когда въ закатный часъ, къ лазури,
Надъ сизой головой твоей,
Ты бросишь къ небу голубей
И смотришь вверхъ, глаза сощуря,
На освѣтленный хороводъ,
А съ колоколенъ позлащенныхъ,
Какъ въ мѣдь, въ сердца неутоленныхъ
Гудящій колоколъ забьетъ,
И тряпка бѣлая взовьется
На палкѣ въ старческихъ рукахъ, —
Я мыслю: все пройдетъ какъ прахъ,
Но этотъ вечеръ помянется...
Пусть нѣмы рабскія уста.
Твоя молитва, въ плоть одѣта,
На бѣлыхъ крыльяхъ, въ струяхъ свѣта,
Кружа, взлетитъ къ Нему — туда.

LI.

АПРѢЛЬ.

Лазурные цвѣты по зыби облаковъ,
Съ отливами то жемчуга, то стали,
Сырые вѣтры рѣзво гнали
Отъ южныхъ береговъ.

Размытымъ логомъ буйно убѣгали
Дубовые листы, віясь до облаковъ.
И вешній день, то свѣтелъ, то суровъ,
Игралъ кинжаломъ вороненой стали.

Рѣзнетъ клинокъ, внезапенъ и суровъ, —
И прячется въ ножны, чтобъ снова расцвѣтали,
Росли и множились, плелись и убѣгали
Лазурные цвѣты надъ сучьями дубовъ.

И тамъ, гдѣ синія гирлянды расцвѣтали,
Курлыкая подъ зыбью облаковъ,
Какъ буквы двухъ божественныхъ стиховъ,
Равнялись журавли и риѳму окликали.

LII.

Капалъ дождикъ съ шаткихъ вѣтокъ,
А ужъ звѣзды просіяли,
Бѣглымъ тучкамъ на послѣдокъ
Ласки тайныя шептали.

Чтò шептали, чтò открыли
Не слыхать въ моей лощинѣ, —
Но свѣтлѣе тучки плыли
Черезъ сводъ сафирно-синій,

Но какъ знакъ, — какъ знакъ отвѣтный —
Длани тонкія метали
И, облекшись въ саванъ блѣдный,
Улыбались — умирали.

—

LIII.

Зеленя разбѣгались, струились,
Справа, слѣва, — далеко, далеко...
И я видѣлъ, какъ былки молились
Расцвѣтающей Розѣ востока.

Замирали, прилежно склоняясь,
Повторяли тропарь хвалебный,
Призывали на хрупкую завязь
Дождикъ ласковый и цѣлебный.

И о ростѣ молились безбольномъ,
О подъемѣ надъ матерью черной,
Чтобы колосъ развился привольно,
Чтобъ налились янтарныя зерна.

О кончинѣ покорной гласили
Подъ косой, чьи размахи велики...
И отъ Розы небесной сходили
На склоненныхъ святые языки.

LIV.

БѢЛЫЯ СТРОФЫ.

Небо заткано мелкимъ узоромъ, —
Облака высоки и недвижны.
Будто лилія, солнце за ними
Хрупкой чашей сквозитъ и мерцаетъ.

Забурѣло поблеклое жнивье.
Зеленѣетъ и стелется озимь.
И порхающій вѣтеръ лепечетъ
Однозвучныя бѣлыя строфы.

Разыгрались грачи. Ниспадая,
Загудятъ, словно рокотъ прилива,
И поднимутся снова, и рѣютъ,
На невидимыхъ волнахъ качаясь...

Мнится, будто сижу и гляжу я
Въ мой альбомъ, гдѣ всѣ лица — родные,
Подъ наивной гравюрой, старинной,
Одноцвѣтной, какъ сѣрое небо.

LV.

ВЪ ЛѢСУ.

I.

Утро раннее въ красныхъ огняхъ.
Серебромъ и румянцемъ сугробы горятъ,
И въ еловомъ лѣсу, на тяжелыхъ вѣтвяхъ,
Ледяные мечи въ переливахъ дрожатъ.
Улыбается лѣсъ, зачарованный,
Сномъ окованный
На зарѣ искрометнаго бѣлаго дня.

Темносинія тѣни кругомъ
Полегли неподвижной зубчатой каймой.
У опушки, скрываясь густымъ лознякомъ,
Волчій слѣдъ потянулъ... Вотъ другой.
И въ лощину два слѣда спускаются
И сплетаются
И бѣгутъ, хоронясь отъ стрѣльчатыхъ лучей.

Отгорая, тускнѣетъ восходъ.
Слышенъ по лѣсу звучный топоръ:
Рубятъ старую сосну, и глухо поетъ

Похоронную пѣсню встревоженный боръ.
Вьются вихри, какъ духи безплотные,
Перелетные
На зарѣ ослѣпительно-яркаго дня.

II.

Оттепель. Съ длинныхъ сосулекъ сбѣгая,
Капля за каплей бѣжитъ, напѣвая.
Сѣро и сыро. Въ косматомъ лѣсу
Гулко рокочутъ высокія кроны.
Смутно пророчатъ, — и нѣжные звоны
Въ сердцѣ больномъ я покорно несу.

Эти печальные, сладкіе звоны...
Жалобный крикъ пролетѣвшей вороны
И безнадежная зелень хвои!
Оцѣпенѣніе и содроганіе,
Жизни прощеніе, смерти лобзаніе, —
Ледъ, — это слезы твои!

LVI.

ВИНОГРАДЪ.

Я насаждалъ виноградныя тонкія лозы.
Я поливалъ ихъ, роняя любовныя слезы.

Зыбкіе листья тихонько руками колебля,
Я выпрямлялъ, воздвигалъ поблѣднѣвшіе стебли.

Съ жаромъ и холодомъ бился, — прожорливой птицѣ
Ставилъ силки, и капканы лукавой лисицѣ...

Диво-ли въ томъ, что теперь, упоенный струею,
Сплю и царицу мою обнимаю мечтою?

Диво-ли въ томъ, что мой хмель такъ разымчивъ и свѣтелъ,
Что виноградъ за любовь мнѣ любовью отвѣтилъ?

—

LVII.

Образы любимые, что сердце перетрогало,
Измололись жерновомъ, потеряли связь.
Я съ руки взволнованной отпускаю сокола,
Я застылъ, Восходу алому дивясь...

Вотъ онъ стаю гонитъ, высоко заброшенный.
Зналъ я этихъ томныхъ, лживыхъ лебедей!
Старая лебедка падаетъ, подкошена,
Мертвая покоится на груди моей.

Выше взмылъ стремительный, тучами овѣянный.
Съ птицей-Рокъ схватился. Птица-Рокъ страшитъ...
Побѣждай, о соколъ, сердцемъ взлелѣянный,
Кровью лучшей вспоенный—кровныхъ обидъ!

И глаза смежаются, солнцемъ ослѣпленные...
Тамъ подъ жгучимъ окомъ вершится бой!
И завяло сердце, мукой пораженное,
И маню заступника — мертвой рукой.

СОДЕРЖАНІЕ.

